

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**ИСТОРИЧЕСКИЙ
ФОРМАТ**

№ 2 / 2021

THE INTERNATIONAL SCIENCE MAGAZINE

**HISTORICAL
FORMAT**

№ 2 / 2021

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОРМАТ

ОСНОВАН В 2015 ГОДУ

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

* * *

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Меркулов Всеволод Игоревич, канд. ист. наук
главный редактор

Жих Максим Иванович
заместитель главного редактора

Колтырин Сергей Анатольевич
ответственный редактор

Лобачева Ирина Ивановна
редактор-переводчик

Азбелев Сергей Николаевич, докт. филол. наук, проф. (Россия)

Афанасьев Михаил Николаевич, докт. соц. наук (Россия)

Богданов Андрей Петрович, докт. ист. наук, проф. (Россия)

Грот Лидия Павловна, канд. ист. наук (Швеция)

Кулаков Владимир Иванович, докт. ист. наук (Россия)

Лубков Алексей Владимирович, докт. ист. наук, проф. (Россия)

Майоров Александр Вячеславович, докт. ист. наук, проф. (Россия)

Меркявичюс Альгимантас, докт. ист. наук, доц. (Литва)

Пузанов Владимир Дмитриевич, докт. ист. наук, проф. (Россия)

Рыбаков Ростислав Борисович, докт. ист. наук (Россия)

Суляк Сергей Георгиевич, канд. ист. наук, доц. (Молдавия)

Фомин Вячеслав Васильевич, докт. ист. наук, проф. (Россия)

* * *

Е-mail редакции: mail@histformat.com
Официальный сайт: <http://histformat.com/>

© Исторический Формат, 2021-2022

ISSN 2411-9415

THE INTERNATIONAL SCIENCE MAGAZINE

HISTORICAL FORMAT

ESTABLISHED IN 2015
SCIENTIFIC PUBLICATION

* * *

EDITORIAL BOARD:

PhD in History Vsevolod Merkulov

Editor-in-Chief

Maksim Zhikh

Deputy Editor-in-Chief

Sergey Koltyrin

Managing Editor

Irina Lobacheva

Editor-Translator

Doctor of Philology, Professor Sergey Azbelev (Russia)

Doctor of Sociology Mikhail Afanasiev (Russia)

Doctor of History, Professor Andrey Bogdanov (Russia)

PhD in History Lidia Groth (Sweden)

Doctor of History Vladimir Kulakov (Russia)

Doctor of History, Professor Aleksey Lubkov (Russia)

Doctor of History, Professor Alexander Maiorov (Russia)

Doctor of History, Associate Professor Algimantas Merkevičius (Lithuania)

Doctor of History, Professor Vladimir Puzanov (Russia)

Doctor of History Rostislav Rybakov (Russia)

PhD in History Sergey Sulyak (Moldova)

Doctor of History, Professor Vyacheslav Fomin (Russia)

* * *

E-mail: mail@histformat.com

Website: <http://histformat.com/>

© Historical Format, 2021-2022

ISSN 2411-9415

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПОПЕЧИТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОРМАТ»:

Вотрин Дмитрий Вячеславович (Академия ДНК-генеалогии)

Греков Анатолий Иванович (канд. технич. наук)

Зиновьев Станислав Валерьевич (предприниматель)

Кривошеин Александр Васильевич (адвокат)

Самусев Дмитрий Николаевич (Академия ДНК-генеалогии)

Смирнов Владимир Александрович (историк-любитель)

Сухов Николай Вадимович (канд. ист. наук)

Фурсевич Оксана Владимировна (эстетический тренер, педагог)

Цыганков Яков Андреевич (Академия ДНК-генеалогии)

Международный научный журнал «Исторический формат» посвящён публикации результатов актуальных научных исследований по истории России и других стран мира. Журнал публикует оригинальные статьи с результатами научных исследований на русском, английском, французском и немецком языках, относящиеся к исторической тематике, а также сообщения о проводимых под эгидой или при участии журнала научных мероприятиях.

The international science magazine «Historical Format» is dedicated to the publication of the results of relevant scientific research on the history of Russia and other nations. The magazine publishes original articles in Russian, English, French and German, presenting the results of scientific research on historical themes, as well as notifications of research conducted under the umbrella of the magazine or with its direct participation.

Die internationale wissenschaftliche Zeitschrift «Historisches Format» veröffentlicht aktuelle Ergebnisse der wissenschaftlichen Forschung zur Geschichte Russlands und weiterer Länder. Die Zeitschrift veröffentlicht Publikationen zu historischen Themen in russischer, englischer, französischer und deutscher Sprache, sowie Berichte über wissenschaftliche Veranstaltungen unter Leitung oder Beteiligung der Zeitschrift.

La Revue internationale scientifique «Format historique» est consacrée à la publication des résultats des recherches scientifiques actuelles sur l'histoire de la Russie et d'autres pays du monde. La Revue publie des articles originaux sur les résultats des recherches scientifiques en russe, anglais, français et allemand et aussi l'information sur des activités scientifiques organisées sous la tutelle de la Revue ou avec sa participation.

Журнал нуждается в Вашей поддержке

«Исторический формат» – это научный журнал, который был, есть и будет оставаться бесплатным. Мы принципиально не хотим взимать плату с авторов за публикации и навязывать читателям платную подписку.

Нас никто не финансирует, и одновременно мы – независимая, свободная площадка. Но нам нужны средства на подготовку новых выпусков и функционирование редакции.

Если у Вас есть возможность поддержать «Исторический формат», то это очень нам поможет. По ссылке ниже – форма для добровольного пожертвования. Можно выбрать наиболее удобный способ платежа: из кошелька ЮMoney, с карты или с мобильного. Сумму пожертвования можно изменить по Вашему желанию.

ПЕРЕХОДИТЕ ПО ССЫЛКЕ: <http://histformat.com/donate/>

<http://histformat.com/donate/>

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

М.М. Валенцова <u>ЧЕШСКО-ЮЖНОСЛАВЯНСКИЕ ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ</u>	
Marina Valentsova CZECH - SOUTH SLAVIC ETHNOLINGUISTIC PARALLELS.	9
И.Л. Рожанский <u>ОБЗОР ДАННЫХ ИСКОПАЕМОЙ ДНК: ГАПЛОКАРТА R1b</u>	
Igor Rozhanskii A REVIEW OF ANCIENT DNA DATA: HAPLOMAP OF R1b	21
Д.С. Логинов <u>ВОПРОС О НАЧАЛЕ СЛАВЯНСКОГО ПРОНИКНОВЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИЮ РЯЗАНСКОЙ ЗЕМЛИ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ СЛАВЯН</u>	
Dmitry Loginov BEGINNING OF THE SLAVIC EXPANSION ONTO RYAZAN LAND IN THE CONTEXT OF THE ORIGIN OF THE SLAVS	36
М.И. Жих <u>ПОНТИЙ ПИЛАТ ИСТОРИЧЕСКИЙ И ЕВАНГЕЛЬСКИЙ</u>	
Maksim Zhikh PONTIUS PILATE HISTORICAL AND GOSPEL	43
С.Н. Беззаконов <u>ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЭТНОНИМА «РУСЬ» В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ</u>	
Sergey Bezzakonov THE PROBLEM OF THE ORIGIN OF ETHNONYM "RUS" IN MODERN HISTORIOGRAPHY	60
А.А. Карпенко <u>НАЧАЛО ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ СЕВЕРЯН</u>	
Andrey Karpenko BEGINNING OF THE STUDY OF HISTORY OF THE NORTHERNERS	83
К.А. Анисимов <u>УСТАНОВЛЕНИЕ ОДРИССКОЙ ГЕГЕМОНИИ НА СЕВЕРЕ БАЛКАНСКОГО ПОЛУОСТРОВА В V ВЕКЕ ДО Н.Э.</u>	
Konstantin Anisimov THE ESTABLISHMENT OF THE ODRYSIAN HEGEMONY IN THE NORTH OF THE BALKAN PENINSULA IN THE 5th CENTURY BC	97
И.А. Гагин <u>ОБ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ ПРИНЯТИЯ ИСЛАМА ВОЛЖСКОЙ БОЛГАРИЕЙ</u>	
Igor Gagin ON THE CIRCUMSTANCES OF THE ACCEPTANCE OF ISLAM BY THE VOLGA BULGARIA	113
И.Ю. Васильев <u>КУБАНСКАЯ СТАНИЦА НАЧАЛА XXI В.: УПАДОК КОЛЛЕКТИВОВ ВЫЖИВАНИЯ</u>	
Igor Vasiliev KUBAN VILLAGE IN THE EARLY 21st CENTURY: DOWNFALL OF THE SURVIVAL COLLECTIVES.	121

К.Ю. Рахно

САМО – ПУТЬ СЛАВЯНСКОГО КОРОЛЯ. РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ЖИХ М.И. СЛАВЯНСКИЙ ПРАВИТЕЛЬ САМО И ЕГО «ДЕРЖАВА» (623-658). ИСТОЧНИКИ, ЛОКАЛИЗАЦИЯ, СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ, ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ. СПб., 2019. 148 с.

Kostyantyn Rakhno

SAMO - THE WAY OF THE SLAVIC KING. REVIEW OF THE BOOK: ZHIKH M.I. SLAVIC RULE SAMO AND HIS "STATE" (623-658). SOURCES, LOCALIZATION, SOCIO-POLITICAL ORGANIZATION, HISTORICAL SIGNIFICANCE. St. Petersburg, 2019. 148 p. **130**

ЧЕШКО-ЮЖНОСЛАВЯНСКИЕ ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

М.М. Валенцова

Институт славяноведения РАН
Россия, 119991, Москва, Ленинский проспект, д. 32а
e-mail: mvalent@mail.ru
Scopus Author ID: 55637335500
ResearcherID: R-1447-2016
<https://orcid.org/0000-0002-6541-4269>
SPIN-код: 4438-5518

АВТОРСКОЕ РЕЗЮМЕ

В статье рассматриваются лингвистические и этнолингвистические схождения между чешско-словацкой и западной группой южнославянских языков и традиций, принадлежащие разным хронологическим слоям, разнонаправленным влияниям и заимствованиям. В этом сложном переплетении общеславянских, западноевропейских, балканских, карпатских элементов возникли отдельные, неповторимые славянские традиции, сохранившие, тем не менее, архаические представления о мире, о человеческом обществе и его ценностях. Восприятие иноэтнических элементов, с одной стороны, было обусловлено самим историческим развитием, а с другой, надо полагать, что воспринималось и заимствовалось наиболее близкое, отвечающее пониманию и духу народа.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: чехи, южные славяне, лингвистика, этнолингвистика, народная культура.

CZECH - SOUTH SLAVIC ETHNOLINGUISTIC PARALLELS

Marina Valentsova

Institute of Slavic Studies RAS
Russia, 119991, Moscow, Leninsky prospect, 32a
e-mail: mvalent@mail.ru

ABSTRACT

The article examines linguistic and ethnolinguistic convergences between the Czech-Slovak and the Western group of South Slavic languages and traditions, belonging to different chronological layers, multidirectional influences and borrowings. In this complex interweaving of Common Slavic, Western European, Balkan, and Carpathian elements, the distinct unique Slavic traditions arose, which, nevertheless, preserved archaic ideas about the world, human society and its values. Adoption of alien ethnic elements took place due to the historical development itself and, undoubtedly, accepted and borrowed were the elements closest and most consistent with the understanding and spirit of the people.

KEYWORDS: Czechs, South Slavs, linguistics, ethnolinguistics, folk culture.

Авторская работа выполнена при финансовой поддержке РФФ, проект №17-18-01373 «Славянские архаические ареалы в пространстве Европы: этнолингвистический подход»

Название статьи отражает, прежде всего, приоритеты материала и направление исследования при полном понимании того, что методологически сравнение одной западнославянской традиции с южнославянскими традициями в целом неправомерно, что трудно (если вообще возможно) выделить эксклюзивные чешско-южнославянские параллели, так как чешская народная культура генетически тесно связана с культурой других западнославянских народов, особенно с моравской и словацкой, а южнославянские традиции, несмотря на их сформировавшуюся

общность в сходных условиях проживания и их балканскую специфику, все же имеют ощутимые отличия.

За исходную точку исследования взята чешская народная традиция, многие элементы которой имеют параллели в разных частях Южной Славии. Это параллели разного порядка (генетические, типологические, общие заимствования), разного уровня (лингвистические, обрядовые, мифологические и т.п.) и разной хронологической глубины – как праславянские (и индоевропейские), так и появившиеся в Средние века и Новое время. Например, славянские названия ра-

дуги с внутренней формой 'дуга', известные в чешско-словацком и южнославянском ареале, отражают не только праславянские, но и индоевропейские модели номинации и соответствующие представления; появление чешских дев судьбы (*sudičky, sudice, rodičky*) связано с южнославянским (балканским) влиянием; поверья об облакопрогонниках, скорее всего, являются результатом балканского и восточнороманского влияния в период валашской колонизации и т.п.

Историческая наука во многих случаях помогает объяснить наличие сходных элементов духовной культуры и языка славян, иногда служит ориентиром для целенаправленных поисков в области традиционных верований и обрядов, а порой предоставляет материальные доказательства контактов, миграций и т.п. разных этносов в далеком прошлом (ср., например, информацию о найденном в могиле славянского воина в д. Медведичка в Хорватии мече, датированном второй половиной VIII в., который имеет точное подобие на некрополе «На Валах» в Старом Месте около г. Угерске Градиште в Моравии: Кланица 1987: 78).

Импульсом к более пристальному вниманию к чешско-хорватским и чешско-сербским этнолингвистическим параллелям послужила история заселения нынешних чешских земель славянами, в том числе племенными образованиями хорватов и дулебов, части которых (вместе с частью соседних сербов) ушли в VII-VIII вв. на юг, на Балканский полуостров. И хорваты, и дулебы оставили память о себе в топонимах, гидронимах, антропонимах. Например, «Дулебами», или Дудлебском (*Doudlebsko*), называется целая этнографическая область на южной окраине Чехии между гг. Ческе Будеёвице, Брлог, Чески Крумлов, Каплице, Тргове Свины и Борованы. Сохранился дудлебский диалект с многочисленными архаизмами и особые напевы. И хотя область не совпадает с предполагаемой территорией расселения средневековых дулебов, не доказана и континуальность с ними, все же в традиционной культуре Дудлебска, как и в диалекте, сохранился ряд архаических форм (LK 2: 152).

Очень кратко раннюю историю Чехии можно изложить следующим образом. Славяне начали продвижение на запад в рамках Великого переселения народов в конце V в., когда территория в междуречье Эльбы-Заале и Одера-Нисы оказалось свободной после ухода германских племен на юг к Средиземноморью. Остатки германского населения были ассимилированы, так что к VII в. вся территория стала славяноязычной (Zaroff 1998: 1). В течение VI-VII вв. славянские племена расселились в Чешской котловине и продвинулись в нынешнюю Восточную Германию. В «Чешской хронике» Козмы Пражского (начало XII в.) упоминается 12 племенных образований: чехи, занимавшие центральную часть; дулебы, жившие в южной Чехии; хорваты, которым принадлежала восточная Чехия; между хорватами и чехами осели зличане и пшоване, северную и северо-западную Чехию заняли дечане, литомержичи и лемузы, с ними соседствовали лучане (в долине р. Огрже), седлчане и хебане, поселения которых выходили за границы нынешней Чехии. С конца IX в. начало складываться национальное средневековое государство, основу которого состави-

ло более многочисленное и сильное племя чехов (LK 2: 109). Историки (например, В.В. Седов, А.А. Горский, Й. Жемличка) считают, что в догосударственный период следует говорить не о племенах и союзах племен, а о славиниях, многие из которых были территориальными или территориально-политическими новообразованиями, сложившимися в процессе миграции. Они обратили внимание на географическую мотивацию многих упомянутых этнонимов (мораване – по названию реки Морава, древляне – живущие «в деревьях», т.е. в лесах, и т.п.) (Седов 1995: 311-312; Жемличка 1987: 137; Горский 2001).

И историки, и филологи обращали внимание также на повторяемость некоторых этнонимов на разных территориях Славии, причину чего видели преимущественно в миграции племен или их частей. Например, «хорваты известны в Восточном Прикарпатье, на северо-западе Балканского полуострова, в Чехии. Сербы – в междуречье Эльбы и Заале, а также на Балканах. Дулебы – на Западном Буге, в Чехии и Паннонии» (Горский 2001).

М.И. Жих пишет, что одни историки предполагали, «что “прародина” дулебов находилась на Волини, а толчок их расселению оттуда дало аварское нашествие», другие считали, что «дулебы на Волини – это выходцы из Среднего Подунавья, бежавшие туда от аварского ига» и проникновение этнонима дулебы на Волинь рассматривается как вторичное, распространившееся сюда из славянских регионов, более тесно соприкасавшихся с аварами (Жих 2019: 59). В любом случае, гидронимы с корнем дулеб- известны на всех славянских территориях: Дулеба, левый приток Ольсы, левого притока Березины, ср. также Дулебка – приток Несеты, правого притока Ольсы, вариант Дулябня – «от древнего славянского этнонима **dulěbъ*, вероятно, локализовавшегося первоначально на Волини» (Трубачев 2009: 308), В.Л. Войтович называет также реки Дулеба в Чехии, и Дулебка в Каринтии (Войтович 2010: 10)¹.

У этнонима ду(д)лебы нет признанной этимологии, высказывались разные версии, в том числе этноним производился от германских корней.

В.В. Седов считал, основываясь на этимологии, предложенной О.Н. Трубачевым, что славянское племя дулебов уже в римские времена проживало в районе Висло-Одерского междуречья, а оттуда расселилось на Волинь, в Чехию, на Средний Дунай, на территории между озером Балатон и рекой Мурой, и в Хорватию на Верхнюю Драву (Седов 1979: 132-133).

О.Н. Трубачев считал сохранение тождественных этнонимов на различных частях славянской территории свидетельством их общего происхождения: «Проследование этнонима **xŕvati* позволяет говорить о продвижении его носителей из Прикарпатской Волини через чешские земли на Балканский полуостров; только о таком направлении распространения этнонима **xŕvati* позволяет заключать его этимология как вероятного иранского заимствования. То же направление и приблизительно из того же исходного пункта имела экспансия носителей этнонима **dudlěbi*» (Трубачев 2004: 221-222).

Проживание хорватов на востоке Чехии упоминается в письменных памятниках IX в., в том числе, в «Житии Вя-

1 Правда, эти реки или ручьи на карте найти не удалось.

челова Чешского». Сюда они пришли из Прикарпатья, будущей Галицкой земли, где они оказались в результате великого переселения народов (Жих 2009: 25). Уже в Прикарпатье хорваты создали свое этнополитическое объединение, отождествляемое с Великой Хорватией, описываемой Константином Багрянородным в сочинении «Об управлении империей». Также и в Чехии, куда в VI в. мигрировала одна из их ветвей, они имели свое политическое образование. Именно с этой западной группой хорватов (в восточной Чехии, Малой Польше и верхнем Поднестровье) связывают определение белый: белые хорваты, то есть западные (Жих 2009: 30, там же приводятся аргументы в пользу прикарпатско-закарпатской прародины хорватов, очевидно, промежуточной).

Не сомневаясь в миграции этнонима «хорваты» (*xъrvati < иран. *harvatā-/*haurvatā-) вместе с его носителями, О.Н. Трубочев вместе с тем отмечал, что «первоначальные лингвистические черты», свойственные этому племени («древнерусское племя близ Перемышля») или его части за время миграции на запад и затем на юг нивелировались, «так что на Западе славянства, кроме имени хорватов, практически ничего не осталось» (Трубочев 2004а: 53). В подтверждение генетического единства хорватов, мигрировавших на запад, а потом на юг, остались многочисленные изоглоссы, связывающие южнославянские и украинские говоры: «количество сербско-хорватско-украинских (особенно западноукраинских) изолекс поистине огромно и исчисляется многими десятками и даже сотнями (устное сообщение Н.И. Толстого)» (Трубочев 2004: 289).

Еще больше общих элементов сохранилось в традиционной духовной культуре сформировавшихся славянских народов (основной пласт этнолингвистического материала относится к XIX-XX вв.). Это произошло потому, что культурные традиции не исчезают, но «наслаиваются» одна на другую: «элементы новой культуры не сметают и не сменяют элементов старой, а проникают в нее, уживаются с ней, вступают в различного вида соотношения (синонимии, дополнительного распределения, вариантности и диалектности в географическом плане)» (Толстой 1995: 46). О том же писал Б.А. Рыбаков: «...новое не вытесняет старого, а наслаивается на него, добавляется к старому...» (цит. по: Толстой 1995: 251-252).

Если говорить о времени славянских миграций, включая расселение славян в Чехии и на Балканском полуострове, то славянская культура была тогда еще достаточно единой, так же, как и славянский язык. То есть образование Чешского государства в IX-X вв. из различных славиний (типа Хорватии) происходило при достаточном языковом понимании. Множество изоглосс и изодокс (линий, относящихся к фактам традиционной культуры) праславянского времени связывают западно-, восточно- и южнославянский ареалы в разных конфигурациях. Некоторые из таких общеславянских элементов в традиционной духовной культуре чехов рассмотрены в: Валенцова 2021.

Национальные языки и специфические черты национальных культур формировались позже, в течение следующего тысячелетия, в различных географических, этнических и социальных условиях. Но и до нашего вре-

мени общность славянского мира сохраняется, что обусловлено его генетическим родством и относительно непродолжительным временем самостоятельного существования славянских народов: «несмотря на разные ареальные и культурные притяжения и влияния <...> традиционная культура славян сохраняет единую “картину мира”, но это единство проявляется по-разному в сфере верований (мифологии), ритуала (обрядов и обычаев), фольклора (жанров, сюжетов, мотивов, поэтики, конкретных текстов)» (Толстая 2015: 108).

Кроме того, методологически важно разделять элементы, культурные и языковые, разных диахронических слоев. Общие элементы относятся к периоду праславянского (хоть и диалектного) существования; в языке и культуре они также формировались в процессе более поздних передвижений, таких как валашская колонизация XIV-XVI вв. или хорватская миграция XVI в. Иными словами, этнолингвистическая ареалогия, так же, как и ареальная лингвистика, «исследующая иррадиации различных лингвистических явлений и интерференции языков, размещенных на смежной территории, должна постоянно учитывать также различные исторические факторы, которые в конечном счете обуславливают все явления, изучаемые лингвистической географией» (Трубочев 2004: 228-229).

Если «древнехорватские» элементы на территории восточной Чехии имеют практически общеславянское распространение, то элементы традиционной культуры и языка, принесенные хорватами в Моравию (а через нее в Чехию) в XVI в., имеют более локальный характер и узнаваемый балканский колорит. Хорваты, бежавшие от турецких набегов и оккупации южнославянских земель, колонизировали ряд областей венгерско-австрийского и словацко-моравско-австрийского пограничья. В Моравию они пришли в 30-х гг. XVI в. прямо из Хорватии, а в 70-х гг. того же века – из нижней Австрии или из Венгрии. Линия хорватского заселения достигала области Кийова в Моравии, были колонизованы десятки южно-моравских сел, но наиболее компактно хорваты жили в округах Бржецлавском и Микуловском. В славянском окружении хорваты быстро ассимилировались, а в иноязычном (немецком, австрийском, венгерском) сохраняли свою особую культуру и язык (поддиалект чакавщины, на котором еще говорят на небольшой территории в хорватском Приморье севернее г. Сень) вплоть до Второй Мировой войны, когда они подверглись германизации, а после войны были принудительно расселены в другие регионы Моравии (LK 2: 295, 580).

Приведу несколько примеров чешско-(западнославянско)-южнославянских соответствий разного уровня.

Среди лексических параллелей были выбраны примеры, имеющие какое-то отношение к народной мифологии.

Чеш. hvozď, -u, m – густой темный лес, преимущественно горный; лес густой и большой. В Словакии – ‘гвоздь’ (Kott 1: 515). Hvozď = лес. Также hvozď = гвоздь (силез., морав.) (Kott 6: 399). Чеш. hvozď ‘лес’, Záhvozď – область в центральной Чехии.

Слово также встречается в мифологических нарративах. Например, о лесных демонах (hejkál) сообщают

ется, что они ...žili v tmavých, nepřístupných hvozdech a skalách... [жили в темных, непроходимых лесах и в скалах] (Fleischmann 1910: 379). У словенцев эти демоны – «лесные (дикие) люди» именовались с использованием того же корня gozd-/gvozd-: gozdni mož, hostnik, pogozdni mož (Раденкович 2008: 100).

Праславянский корень *gvozdъ/*gvozdь (восходящий к и.-е. *guos-d-, ср. нем. Quast, Quaste, ср.-в.-нем. quast(e) ‘кисть, пучок, метелка, веник’) присутствует во всех славянских языках, однако значение ‘лес’ (наряду с ‘гвоздь, железо’ или без него) отмечается только в сербохорватском (с пометой стар., диал.) гвозд, гвозд ‘железо’, ‘гвоздь’, ‘железная болванка, лом’, ‘отвесно стоящий камень, утес, скала’, ‘густой, дремучий лес’, диал. гвозд ‘лес’; в словенском: gòzd ‘(большой, высокий) лес’; старочешском hvozď м. р. ‘горы, поросшие лесом’, чешском hvozď ‘большой, густой лес’, также vozď; нижнелужицком gózd m, gózda f ‘сухой, нагорный лес’, gózdź ‘гвоздь, костыль’; в старопольском gozd ‘лес’, польском (старом) gozd ‘роща’; в словацком (книжном) hvozď ‘большой, густой лес’. Остальные языки и диалекты, перечисленные в этой статье ЭССЯ – северно-польские, восточнославянские, старославянский фиксируют только значения «гвоздь, затычка, деревянная втулка» и под. (ЭССЯ 7: 185-186).

Судя по ареальному распределению значений, семантика ‘лес’ сформировалась на западнославянской территории и была перенесена в западно-южнославянские языки мигрирующим населением во 2-ой половине VII в. Для словацких диалектов слово не характерно, здесь для обозначения горного леса употребляется термин hora, а слово hvozď сохранилось лишь в липтовском говоре и, скорее всего, связано с горальским населением севера Средней Словакии (малопольским по происхождению): hvost (из старого липтовского *hvozď ‘густой лес’, Слиаче, 1589) ‘большой густой лес’; Hvozďec ‘название вершины в с. ВышнеСлиаче’ (Ondrejka, Cifra 1998: 206). Скорее всего, вне чешско-польско-словенско-хорватской территории прямое значение было со временем утеряно, его заменило метонимическое ‘гвоздь (деревянный), втулка, колышек’, а потом ‘гвоздь (железный)’.

Еще один праславянский диалектизм, связывающий чешско-польский ареал со словенско-хорватским, исследовал О.Н. Трубачев. Он показал, что пол. диал. szatryć ‘знать, смыслить, понимать толк, уметь’, ст.-пол. szatryć się ‘смотреть, быть осмотрительным, внимательным’, пол. диал. szatrac ‘видеть, помнить’, и соответствующие формы в чешском: šetřiti ‘беречь, экономить, уберечь, блюсти, соблюдать’ и словацком: šetriť ‘экономить, щадить, жалеть’, šatriti ‘смотреть (за что-либо)’ имеют соответствия среди других славянских языков только в словенском: ošatratī ‘околдовать, очаровать’, šatřija ‘колдовство’ и в хорватском: это старые термины, связанные с магией и ведовством: хорв. šatriti ‘fascinare’, ošatriti ‘infascinare’, šatřija ‘incantamentum’. Значение ‘смотреть’ в южнославянских не представлено. Таким образом, первоначальный ареал праслав. диал. *šatriti ‘смотреть (возможно, особым образом)’ связывается прежде всего с прапольскими и прачешскими диалектами (Трубачев 2004а: 73-74). Далее эти слова получили в словенском и хорватском магиче-

ские значения. Мотивация такого перехода становится очевидной с учетом общеславянских поверий о сглазе, то есть причинении вреда посредством взгляда.

В связи с иранской этимологией этнонима хорват и местом славяно-иранских (-скифских) контактов интересна и этимология праслав. *šatriti, предложенная О.Н. Трубачевым. Славянское слово сближается с иранским глаголом *xšatraya- от широко представленного во многих иранских языках имени xšatra-: авест. xšaθra- ‘власть, господство’, ‘царство, владение’, др.-перс. xšaçam ‘царство’, осет. æxsar, xsart как название высшей доблести во время войны, и др. «Иранское слово xšatra- ‘власть, сила, доблесть’ в изобилии представлено в известных остатках скифо-сарматских диалектов, и прежде всего оно дошло до нас в составе иранских антропонимов Северного Причерноморья»; объясняется это его культовой ролью (Трубачев 2004а: 74). Основа *xšā(y) ‘мочь, иметь власть, силу, господствовать, царствовать’ продолжает и.-е. *ksē(i)- (ср. др.-инд. kṣatrá- ‘господство’) (Трубачев 2004а: 75).

Славянский язык «демонстрирует удивительную внешнюю близость с иранским», которую нельзя объяснить славянскими средствами, поэтому слово считается заимствованием из иранского (Трубачев 2004а: 75). Семантическое развитие праслав. *šatriti-, его значения ‘беречь, уберечь’, а особенно – ‘колдовать, очаровывать’, то есть его определенное отношение к магии взгляда, также связаны с потенциалом иран. xšatra- в его религиозно-этическом значении (Трубачев 2004а: 76). Основываясь на значениях иранских слов, можно, однако, предположить обратное семантическое развитие значений в славянских языках: от ‘колдовство, магия’ (как известно, колдуны и ведуны называются людьми силы, а сама магия рассматривается как орудие власти) к ‘смотреть’ и под.

Этнолингвистические сходства чешского материала с хорватским, словенским и сербским в разных сегментах традиционной народной культуры обусловлены генетическим единством славянских племен; позже элементы разных уровней передавались во время миграций населения, воспринимались в результате долгого соседства народов, в том числе в рамках одного государства, явились результатом общих заимствований.

Представления об атмосферных явлениях – громе, граде, дожде, засухе унаследованы славянами еще от индоевропейского прошлого и в целом схожи в разных славянских традициях. Они различаются конкретным наполнением обрядовых действий (исполнитель, магические предметы, способ действия, вербальные формулы) или формируют общие черты на основании сходных природных условий или прямого влияния. Такая общность характеризует, например, карпатские традиции (карпато-украинскую, русинскую, северно-словацкую, моравскую)², а они, в свою очередь, образуют пучки изодокс и изолекс с балканскими.

Чехия лежит в стороне от Карпатской дуги (не считая восточные регионы Моравии и Силезии), но ее территория практически со всех сторон окружена горами, что не могло не отразиться на метеорологиче-

2 См. подробнее: Валенцова 2018: 420-425.

ских представлениях и обрядовых действиях, схожих с теми, которые известны на Карпатах. Например, когда приближалась буря, старались отогнать ее звоном колоколов, стрельбой из ружей, громким звуком труб (*trouba proti mraĕm*), пастушьих рогов или больших морских раковин (*lastura*). Кое-где существовали колокола, предназначенные исключительно для использования во время бури (LK 2: 58-59).

Чтобы уберечься от разрушительных последствий града, выбрасывали во двор через окно метлу, часто лопату и кочергу, использовавшиеся для печения хлеба, или же клали лопату и кочергу во дворе крест-накрест, а в других местах выносили борону или грабли и клали их зубьями вверх. В Силезии выбрасывали через окно *ĥosk* – инструмент, которым помешивают молоко при приготовлении сыра (LK 2: 59). Использование печной утвари, связанной с земным огнем, должно было магическим способом воздействовать на небесную воду, противодействовать сильным ливням и растопить град. Такие действия известны многим славянским традициям. Так, в хорватской области Лика, в районе города Госпица, «когда начинает идти град или сильный ливень, тогда выбрасывают во двор кочергу, лопатку для углей, метлу и треножник, и эти вещи предотвращают град или, если он уже начался, прекращают его» (Bilian 1926: 191. Цит. по: Толстой 2003: 191) и др. данные из западной и северной Хорватии (Толстой 2003: 192). А вот лопатка, используемая при приготовлении сыра, как представляется, должна была отогнать («размешать») облака в соответствии с магией подобия, основанной на сходстве свернувшегося молока с облачным небом.

Интересны чешские параллели к карпато-балканским действиям-оберегам против града: у чехов старались разогнать тучи, размахивая в их сторону мечом (LK 2: 58), во время бури подбрасывали в небо топор (так, например, сделал в 1585 г. староста с. Нагоржаны) (Jireĥek 1863/1: 24, возможно, речь идет о селе в р-не Наход, Краловеградецкй край³). Использование острых и режущих предметов для «разрезания» тучи знакомо румынам: «Если соломоны (демоны, приводящие тучи – М.В.) не подчинялись их воле, градовники (люди с магическими способностями защитить село от града – М.В.) резали тучу накрест косами – в результате соломоны верхом на драконе падал на землю, сверху на него рушился весь лед»; подобные действия упоминаются еще у римских авторов начала н.э. (Мойсей 2006: 257, 258, сн. 3). В Сербии широко распространены «ритуалы “расщечения” тучи и града топором, косой, серпом, мотыгой, ножом и иными железными предметами» в зоне Драгачева, где машут этими предметами в сторону градовой тучи или просто выставляют их острием навстречу дождю (граду); «известно и бросание топора или молота навстречу туче или закрепивание тучи косой или серпом» (Толстой 2003: 164), что совпадает с исторической информацией из Чехии. Конечно, подобные действия распространены в Сербии шире – и в северо-восточной, и в северо-западной ее части (Толстой 2003: 169).

3 Помимо этого, есть еще три пункта Нагоржаны в южной Чехии, которые в настоящее время являются частями более крупных сел.

В с. Младошевцы (центральная Босния) при начале града выносили из дому косу и ставили ее острием кверху под стрехой так, чтобы капли падали на острие и рассекались косой (Толстой 2003: 167) – такие же действия совершали в чешских и словацких селах. Например, в южной Чехии от бури и града под водосток клали топор, обращенный острием кверху (Charvat 1898: 100), в восточнословацкой области Шариш при граде высовывали из окна топор и косу (ELKS 1: 283).

По традиционным поверьям чехов, черные тучи носят в качестве наказания души самоубийц, особенно утопленников, а когда не могут больше их удержать, тучи падают на землю в виде града или ливня. Если тучи заговаривают, души там страдают. Рассказывали, что в Карлине (ныне часть Праги) один заклинатель увидел в туче собственную утопившуюся дочь, и на его книгу упали три капли ее крови (LK 2: 58). В запрете звонить для разгона туч колоколом, которым оповещали о случившейся в селе смерти (*umíráĥek*), поскольку он наоборот, привлекает молнию, также прослеживается связь туч с душами умерших (LK 2: 58-59). Использование специально колокольного звона для разгона градовых туч записано у сербов, хорватов, поляков (Толстой 2003: 146), а также у словаков.

Реликтами магической практики по отгону бури и града были заговоры, заклинания туч (*zařikat, zaklínat, zažehnat*) (LK 2: 58). В чешских заклинаниях, так же, как и в других славянских текстах, тучи отсылались на пустые горы, на дремучие леса: *Stůjte, mraĥna, stůjte, kroupy, stůjte, blýskání! Zaklínám vás do lesa hlubokého, do dubu vysokého, do dřeva stojátého a běžátého, tam sebou mlátte a třískejte, a lidem pokoj dejte!* [Стойте, тучи, стой, град, стой, молния! Заклинаю вас на лес дремучий, на дуб высокий, на дерево стоячее и текущее/бегущее (? возможно, ошибка в тексте: надо *lěžátého* ‘лежащее’ – М.В.), там себе молотите и бейте, а людям покой дайте!] (LK 2: 58).

Другой тип сходжений представляют названия демонов судьбы, определяющих жизнь и смерть новорожденного. Они известны преимущественно южным славянам (лексемы с внутренней формой «предрекать, нарекать», «судить», «показывать» и ряд др., в том числе заимствования). У чехов поверья о демонах, определяющих судьбу ребенка, развиты не столь широко, как на юге Славии, однако представлены имена от основы **sqd-*: *sudice, sudiĥky*, и **rod*: *rodiĥki*; термины *sudice, sudka* ‘богиня судьбы’ известны уже в древнечешском (Зай.КД: 265).

Термины от корня *sud-*, которые упоминаются также изредка в словацком (*sudiĥka*) и з.-украинском (*судци*), у южных славян распространены в ареале словенского, сербского и хорватского языков: с.-х. *суђенице, суђаје, судилице, судбенице, усуде*, словен. *sojēnice* и лишь спорадически на крайнем юго-западе Болгарии (в Кюстендилской области, см. карту: Седакова 1974: 63). Вторые, с корнем *rod-* бытуют в Словении и на востоке Сербии: в.-серб. (Пирот) *уродуше*, словен. *rojenice*, з.-хорв. *rojenice, rojnice* (см. Плотникова, Седакова 2012: 199; карты и материалы к ним с детализацией южнославянских пунктов – см. Плотникова 2004: 694, 696-711).

Поверья о «суженицах» у южных славян имеют соответствия в греческих и римских представлениях

о судьбе, и, как писала И.А. Седакова, «демоны судьбы являются безусловным балканизмом в системах МП (мифологических персонажей – М.В.) южных славян, греков, албанцев и румын» (Седакова 1994: 43). Этот балканизм проник и в чешскую традиционную культуру. Например, у чехов верили, что когда родится ребенок, в дом приходят *sudička*, чтобы определить ребенку его судьбу; считалось, что надо положить на стол хлеб и соль, чтобы судички поели и присудили ребенку счастливую судьбу (Schwarz-Lázecký 1931: 431). У болгар же угощение для орисниц включало пресный хлеб (питу), испеченный с особыми ритуалами; а в качестве жертвы, чтобы задобрить орисниц, раздавали соседям сладкий (с медом) хлеб (Седакова 2007: 216). Отсылает к балканизму и описание внешнего вида чешских «судичек»: они «принадлежат к вилам, выглядят как красивые девы или старые женщины, одетые в белые одежды. Иногда у них воздушное тело, бледные лица и выразительные глаза. При гадании держат в руке горящую свечу. Существовало и представление, что они прядут судьбу человека» (ЛК 3: 988).

Традиция гадания о судьбе новорожденного, безотнositельно к персонификации судьбы, по-видимому, очень древняя: как показал Л. Раденкович, смерть «от воды, от укуса змеи и от волка», чаще всего «предсказываемая» ребенку у сербов, соответствует древнеегипетскому выбору: «от крокодила, от змеи и от пса» (Раденковић 2011: 513).

Рассказы о предопределении судьбы, событий человеческой жизни встречаются у славян чаще, чем упоминание специальных мифологических персонажей типа «судичек»; функция предсказания часа смерти человека может переноситься на других персонажей, например на вил, самодив у южных славян, банника у русских, богинку или водяного у западных славян, и даже на Бога и на святых.

Иную основу схождения имеют предания о «диких», лесных людях, которые известны преимущественно западным и южным славянам. Однако ядро этих поверий лежит в ареале чешско-словацком и словенском и образует как будто бы единый комплекс со сходными сюжетами и мотивами быличек, а также их терминологией. В этом ареале названия демонов в основном составные, с определением «дикий» или «лесной»:

чеш. *divá žena*, *diví žena*, *divá panna*, *divoká žena*, *lesní panna*, *lesní žínka* (*žena*, *ženka*) 'дикая / лесная женщина', *lesní muž*, *divý muž* ('дикий мужчина', единичные наименования), *divoženče* 'ребенок дикой женщины', *diví lidé* 'дикие люди';

морав. *diví žena*, *lesní panna* 'дикая / лесная женщина', *divížák* 'муж лесной женщины', *divoženče*, *divúch* 'ребенок лесной женщины';

словац. *divá žena*, *divá ženka*, *divoké ženy*, *dzivá panna*, *lesná panna*, *lesná žienka*, *lesná víla*, *lesný muž*, *lešák*, *lisún*;

словен. *divji mož*, *divja žena*, *divja dekla*, *divja baba* 'дикий мужчина, женщина, девушка, баба', *divjačesa* 'дикарка', *horni mož*, *gozdni mož*, *pogozdni mož*, *hostnik* 'лесной мужчина' (от *gozd* 'лес', *hora* 'горный лес') и др. (Раденкович 2008: 100). Тождественность понятий 'лесной' и 'дикий' имеет по крайней мере индоевропейскую

древность, ср. например, уэльс. *Gwiddel* 'ирландец', производное от ст.-уэльс. *gwud* 'дикий' < кельт. **weido-* или от родственного уэльс. *gwŷdd* 'лес' (Blažek 2000: 11).

Среди общих сюжетов, например, рассказ о том, как двое, ночевавшие в лесу, чтобы не замерзнуть, забрались в мешок, а дикий человек, увидев это чудо без ног и с двумя головами, побежал спрашивать об этом своего отца. В Сербии и Черногории подобный сюжет связан с вилами (Раденкович 2008: 101).

В целом западнославянские «дикие женщины» (как и многие другие мифологические персонажи у славян) описываются двумя противоположными способами: то как старые, страшные, растрепанные, дикие, похищающие детей, то есть сближающиеся с бабой Ягой (иногда так и называемые – *ezínka*), то как прекрасные молодые девы, подобные южнославянским вилам и по внешнему виду, и по функциям и иногда описываются с помощью слова *víla* или называются вилами.

Например, иногда чешские *lesné panny*, *lesné žínky* – это красивые, нежные девушки, в белом или зеленом (из листьев) тонком легком одеянии с длинными золотыми волосами, в венке или в шапочке. Следующее описание лесных дев очень близко, в ряде деталей почти дословно совпадает с описанием вил: «*Lesní panny* – вечно молодые девы. Не вредят, если им не докучают или не встречаются в неподходящую минуту. Любят танцевать и петь вечером, когда все в природе затихает. При выходе солнца смолкает музыка, и вилы исчезают. Также танцуют лесные девы в полдень. Но нельзя вступать к ним в круг (хоровод – М.В.), они очень вспыльчивы. Кто придет, услышав их пение, того они затанцуют до смерти, а если человеку удастся убежать, то его догонит стрела вил, нацеленная прямо в сердце. Местами (напр., в Новом Быджове) верят, что парень, которого убьет лесная дева, станет базиликом. Девушек вилы, наоборот, любят и помогают им, как помогли, например, пряхе, которая должна была стадо пасти и при этом прясть. С нею прекрасная вила натанцевалась при звуке птичьей музыки, а потом спряла ей все за один миг. Кроме того, дала ей в мешочек березовых листьев, которые превратились в золото» (Košťál 1900: 205).

Характерная черта сербских и хорватских вил – петь, танцевать в хороводе, отчего трава в этом круге либо вытоптана, либо наоборот, лучше растет, – встречается и при описании чешских и словацких лесных дев: по чешским представлениям, у диких женок были «вытанцованные» круги на траве (Войтехов, р-н Глинска, в.-чеш.: Adamek 1900: 341); следы танца диких женщин находили в лесу около Усти на границе Клавовки (*vytancováno od divokých žen místo*), недалеко от Ветрного Еникова на лугу у леса (р-н Гумпольца, край Высочина, ю.-в. Чехия: Maňal 1896: 233). В западночешской области Ходско верили, что живущие в лесах дикие, дивные, лесные женщины (*divný* (*divotvorný*) *žínky*, *divoký*, *divý ženy*, *divoženky*, *zpáteční žínky*, *lesní žínky*) танцуют в лунные ночи, и на месте их танца вырастает высокая трава (Jindřich 1956: 86-87).

Встречаются в чешских материалах и прямые аллюзии на греческую богиню Артемиду, которую сопровождали на охоте подаренные Паном псы: в лесу Хлум

танцевали в полдень вилы. Чтобы их не беспокоили, у них были сторожа, маленькие собачки, которые бегали по кругу около танцующих и кусали каждого, кто к этому месту приближался; отогнать их было невозможно; застрелить из ружья тоже невозможно (округ Нового Быдзова, р-н Градец Кралёве, в.-чеш.: Košťál 1900: 205). В черном лесу, который тянется за Доброшомом, есть печально известное место «Малый дол», здесь, говорят, обитали лесные панны. <...> Покойный Грабек видел однажды, как они танцевали у потока, а вокруг них бегали их охранники – щенки (Košťál 1900: 205-206).

Не только южнославянские черты проникли в чешскую мифологическую традицию, но и западнославянские – к хорватам и словенцам. Например, у хорватов «встречаются представления о детях и семьях вил, ср. быличку о стране вил (vilovski orsag) у подравских хорватов в окружении венгров» (Плотникова 2021), что отвечает чешским и вообще западнославянским рассказам о семьях диких людей (см. выше терминологию). У хорватов и словенцев диким женщинам приписывается способность выпекать хлеб, отмечаемая также у градищанских хорватов Австрии (Плотникова 2021). Подобные рассказы достаточно многочисленны у чехов, например, о том, что дивоженки собирают на поле оставленные колоски и потом пекут из полученной муки лепешки (opeľky). Согласно быличке, одна пастушка почувствовала запах хлеба и пришла к пещере дивоженок, одна из них вышла и спросила: Ráda bys ted' kousek, ale klásku na poli nepecháš! [Хотелось бы тебе сейчас кусочек, а колосков на поле не оставляешь!]. По другой быличке, дивоженка дала пастушке лепешку и сказала, чтобы она никогда не съедала ее целиком, и лепешка опять станет целой (р-н Пелгржимова, ю.-чеш.: Charvat 1898: 140). Divé ženky пекли хлеб в полях. Однажды сельчанка вдруг почувствовала запах хлеба и увидела дикую женку, которая протягивала ей кусок хлеба и сказала: «На! Ты, когда собираешь граблями хлеб, не оставляешь колосков» (Глинецко, с.-в.-чеш.: Adamek 1900: 342, 43). Такие былички отражают архаические верования земледельческих народов, предписывающие оставлять на полях малую часть урожая для духов поля (земли), для мышей, чтобы они не ходили в амбары, для Бога (на «божью бороду»), манифестируют единство всего живого на земле. Видимо, тот же самый смысл 'неоконченности, недоделанности' закодирован и в рассказах о неубывающем, если его не доедать до конца, калаче, также вплетенном в ткань быличек о дивоженках.

Комплекс представлений о «диких людях» известен также полякам (dziwożony) и лужичанам (dziwicy).

Анализируя содержание поверий и быличек о лесных демонах, сходения между западно- и южнославянскими сюжетами, можно говорить об их смешанном характере, в очень предварительном порядке предполагая, что элементы страшного враждебного в облике и функции «дивоженок» восприняты из западноевропейских верований, а элементы красивого и дружественного – из балканских и средиземноморских традиций. Вместе с тем, в разработке этих образов очень много славянской земледельческой мудрости, реализованной в разных, в том числе заимствованных мотивах и сюжетах.

Рассказы о ребенке-подменыше (о новорожденном, как правило, еще не крещеном, на короткое время оставленном матерью и в эту минуту подмененном на ребенка демонических персонажей – вил, ведьм, богинок, мамун и т.п.) хорошо известны у западных славян, включая чехов и словаков, и являются общим сюжетом западноевропейской мифологии, также распространены в карпатоукраинской традиции, меньше в белорусской и южнорусской (Виноградова 2016: 142), то есть традиция затухает по направлению к востоку. Соответствующие сюжеты в Южной Славии фиксируются лишь в северных паннонских областях (Каринтия, Прекмурье, Подравье, Славония, южный Банат): серб. подмече, хорв. podmeće, podvršće, словен. podmenek, podvrženo dete, podmeno dete и практически не встречается на остальной балкано-славянской территории, из чего делается вывод, что былички о подмененных детях, скорее всего, заимствованы славянами от соседних западноевропейских народов, в частности, германцев (Раденковић 2003: 143, 144).

Еще более близкие соответствия между чешской и западной частью южнославянских традиций обусловлены общими заимствованиями из немецкой культуры и языка. Такие взаимовлияния происходили при достаточно долгом времени проживания на одной и той же или смежных территориях. Как известно, быстрее заимствуется лексика – имена и названия персонажей, обрядов, реалий. Но в отдельных случаях влияние одной культуры на другую включало также восприятие содержательных слоев отдельных ее сегментов. Так случилось с «горной» демонологией, то есть поверьями о горных и подземных (земляных) духах, хранителях земных недр, покровителях шахтеров – в тех областях, где добывали полезные ископаемые.

Демоны подземелья известны всем славянам, кроме болгар, македонцев и белорусов (Раденкович 2007: 258). Любинко Раденкович приводит обширный список названий этих персонажей, классифицированных по мотивационному признаку («земной дух», «горный дух», «дух погибшего», «карлик», «черт» и под.). Среди прочих встречаются наименования, производные от немецкого Bergmann «горный человек», «дикий человек». Они бытуют только в западной части южнославянского ареала (словен. birkmandelj, perkmandelj, berkmandelj и др., хорват. perhmanec, подравско-хорват. bergmandli, серб. и босн. перкман, в.-серб. беркман, перкман) (Раденкович 2007: 258) и в чешско-словацком ареале: чеш. permon (< нем. Berggeist или Bergmann через стадию perkaĵst и perkman), perkmaníček, permonik, морав. perkmaníček, permonik (LK 2: 263), словац. permoník (ELKS 2: 30), permónik, permúňik 'горняцкий дух в виде карлика' (SSN 2: 777); berdmoňik (Клюкнява, Маркушовце, в.-словац.), словац. permoučik, пермошник, permonik (Зубов 2010: 116).

Объяснением такого ареального распределения терминов служит история рудокопства, добычи руды на этих территориях, проводимая преимущественно по немецкой технологии и с приглашением немецких колонистов (в словацкие земли – начиная с XIII в.). В польском зафиксировано единичное bergajst (в целом наименования подземных духов традиции не свой-

ственны: Санникова 1990: 43, 244). В данном случае следует говорить не о влиянии немецкого языка как такового, а о влиянии производственной области, в которой работали или которая управлялась немцами.

Еще одно немецкое заимствование, общее для чехов и словенцев – календарный термин Перхта – рождественский женский мифологический персонаж и ряженный, ее изображающий, а также ряженный «кобылой» в рождественский и масленичный периоды.

Ее имена: чеш. Berchta, Perchta, Perechta, Parachta, Parychta, Peruta; морав. Šperechta, Perychta, Peruchta; словен. Pehtra baba, Vehtra baba (Zíbrt 1950: 87), Pehtra baba, Perhta, Pjerhta (Mödendorfer 1948: 28, 143), Pehtra (Kuret 1: 42).

Это заимствованное имя немецкого мифологического персонажа, широко распространенного в южной Германии и Австрии: Per(c)ht(a), Berchta, Percht(l)globa (Штирия), Percht(e)l (Каринтия), Eisaberta (восточная Бавария). В немецкой календарной обрядности посвященные ей дни – Perch(t)nacht «ночь Перхты» (Бавария и Верхняя Австрия) и Perchtentag «день Перхты» – ‘Три Короля, 6.1’ (Богоявление). Известны также ряженные, изображавшие Перхту (Кабакова 1982: 198).

В чешской календарной обрядности ряженная Перхтой обходила дома уже в канун св. Барборы (4.XII), но основными датами обходов были 5, 23 и 24 декабря и 5 января (LK 3:649). Она представляла устрашающий персонаж: грозила распороть живот, если ей не дадут того, о чем она просит, поэтому ею пугали детей, если те не постились в сочельник или много ели (Zíbrt 1950: 87-88, 90, 91); руки у нее по локоть «в крови» (области Подржипско, Хебско: LK 3: 649); она грозила пряхам, которые пряли по четвергам (ср.-чеш.: Zíbrt 1950: 87).

Страшная Perchta упоминается в рукописи XV в.: у нее золотая голова, оловянные глаза, медные уши, железный нос, серебряная борода (усы?) и свинцовая шея (Zíbrt 1950: 87-88).

Не только имя, но и некоторые функции (например, распарывание живота) были заимствованы у немцев: ряженный был одет в традиционные кожаную и звериную маску (или красную бумажную маску с высунутым языком), но в руках нож и деревянное ведро, в которое она собирала внутренности, а у пояса привязана кудель, которой она напихивала «распоротые» животы (Langhammerová 2004: 265).

У словенцев Пехтра с горбом, в левой руке – метла или топор, а в правой – палка с металлическим наконеч-

ником, на который ей насаживали сало и другие дары (Kuret 1965: 42).

К общему заимствованию из немецкого относится также термин, обозначающий масленицу: чеш., словац. fašiang(y), словен. fašenk (<die Fasching ‘карнавал’) и ряд др.

Вообще в календарной обрядности славян-католиков довольно много сходного. Прежде всего, потому, что католический календарь унифицировал праздники и их содержание (вплоть до переноса на другие даты или запрета празднования дохристианских торжеств), во-вторых, сильное нивелирующее воздействие на верования, часто имеющие диалектный характер, оказывала сама католическая церковь. Несмотря на это сохранилось немало дохристианских элементов в разных сегментах календаря. Например, у словаков и у хорватов Славонии изготавливали магическую табуреточку, используя прием «растягивания» времени (13 дней до Рождества лишь по 1 разу ударяя молотком или топором), сидя на которой или глядя через которую можно было распознать сельских ведьм. Словацко-хорватскую параллель составляет обычай стегать детей ради здоровья в день Избиения невинных младенцев в Вифлееме (28.12), известный и мораванам; отчасти совпадает и терминология: обычай называется хорв. mladenci, mladinci, словац. mládenky, mládenkovanie. Общеславянский обряд одаривания воды (колодца) совершался у чехов, мораван, словаков и хорватов, сербов в сочельник Рождества и на Новый год, при этом совпадали и приговоры при бросании в воду кушаний: «Холодная вода, я даю тебе подарки, а ты мне дай счастье и здоровье». Весенний обряд выноса чучела Морены (Марены, Маржаны, Смерти, Смертной девы) известен в великопостный период всем западным славянам, а также словенцам и т.д.

Множество лингвистических и этнолингвистических сходжений между чешско-словацкой и западной группой южнославянских языков и традиций принадлежат разным хронологическим слоям, разнонаправленным влияниям и заимствованиям. В этом сложном переплетении общеславянских, западноевропейских, балканских, карпатских элементов возникли отдельные, неповторимые славянские традиции, сохранившие, тем не менее, архаические представления о мире, о человеческом обществе и его ценностях. Воспринятые иноэтничные элементы, с одной стороны, обусловлены самим историческим развитием, а с другой, надо верить, что воспринималось и заимствовалось наиболее близкое, отвечающее пониманию и духу народа.

ЛИТЕРАТУРА

- Валенцова 2018 - Валенцова М.М. Славянская мифологическая лексика Карпатского региона: генезис особенностей (этнолингвистический аспект) // Славянское языкознание. XVI Международный съезд славистов. Белград, 20-27 августа 2018 г. Доклады российской делегации / Отв. ред. С.М. Толстая. М.: Институт славяноведения РАН, 2018. С. 417-435. DOI: 10.31168/0417-6.4.1
- Валенцова 2021 - Валенцова М.М. Архаические элементы в чешской духовной культуре (возможности ареальной стратификации) // Славянские архаические ареалы в пространстве Европы. Вып. 2. М.: Институт славяноведения РАН, 2021 (в печати).
- Виноградова 2016 - Виноградова Л.Н. Мифологический аспект славянской фольклорной традиции. М.: Индрик, 2016.
- Войтович 2010 - Войтович Л.В. Восточное Прикарпатье во второй половине I тыс. н.э. Начальные этапы формирования государственности // Русин. 2010. № 3. С. 5-49.

- Горский 2001 - Горский А.А. Ветви славянского дерева. «Славинии» раннего Средневековья: как складывались государства у славян // Родина. 2001. № 9. С. 22-23.
- Жемличка 1987 - Жемличка Й. Характер славянского заселения и возникновение раннефеодальной народности (на примере Чехии и Моравии) // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей / Отв. ред. Г.Г. Литаврин. М.: Наука, 1987. С. 134-141.
- Жих 2009 - Жих М.И. К проблеме ранней истории славян прикарпатского региона (середина – вторая половина I тыс. н.э.) // Русин. 2009. № 1 (15). С. 25-44.
- Жих 2019 - Жих М.И. Славянский правитель Само и его «держава» (623-658). Источники, локализация, социально-политическая организация, историческое значение. СПб.: Российско-немецкий исторический семинар, 2019.
- Жих 2020 - Жих М.И. Миграция сербов и хорватов на Балканы в контексте международных отношений 20-30-х годов VII века // От Залмоксист до Кетцалкоатл. Исследования в честь на 65-годовшнина на доц. р-р Стефан Йорданов. Велико Търново, 2020. С. 493-512.
- Зубов 2010 - Зубов М.І. Кілька етимологічних зауважень до назв слов'янських міфологічних персонажів // Мовознавство. 2010. № 2-3. С. 113-123.
- Кабакова 1982 - Кабакова Г.И. Терминология календарной обрядности (Хрононимы) (На материале немецких и скандинавских языков и диалектов). Дипломная работа. М.: МГУ, 1982.
- Кланица 1987 - Кланица З. Падение Аварской державы в Подунавье // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей / Отв. ред. Г.Г. Литаврин. М.: Наука, 1987. С. 74-82.
- Мойсей 2006 - Мойсей А. О соотношении терминов соломонар/градовник в плевальской практике румыноязычного населения Буковины // Romanoslavica. Т. XLI. 2006. С. 253-262.
- Плотникова 2004 - Плотникова А.А. Этнолингвистическая география Южной Славии. М.: Индрик, 2004.
- Плотникова 2021 - Плотникова А.А. Специфика хорватской народной мифологии // Славяноведение. 2021. № 6 (в печати).
- Плотникова, Седакова 2012 - Плотникова А.А., Седакова И.А. Судженицы // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общей редакцией Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 2012. С. 199-203.
- Раденковић 2011 - Раденковић Љ. Народна предања о одређивању судбине: словенске паралеле // Жива реч. Зборник у част проф. др Наде Милошевић-Ђорђевић. Уредници М. Детељић, С. Самарџија. Београд: Балканолошко институт САНУ, 2011. С. 511-534.
- Раденкович 2004 - Раденкович Л. Названия демонов, ведущие происхождение от детей, умерших до крещения у славян // Balcanica. Т. XXXIV. Белград, 2004. С. 203-221.
- Раденкович 2005 - Раденкович Л. Опасное время в народных представлениях славян // Balcanica. Т. XXXV. Белград, 2005. С. 71-90.
- Раденкович 2007 - Раденкович Л. «Беркман» и другие духи – властители земных недр у славян // Восток и запад в балканской картине мира. Памяти Владимира Николаевича Топорова. М.: Индрик, 2007. С. 258-265.
- Раденкович 2008 - Раденкович Л. Великаны, дикие и иные «чужие» люди // Etnolingwistyka. Т. 20. Люблин, 2008. С. 95-106.
- Седакова 1994 - Седакова И.А. Балканославянские представления о демонах судьбы: трансформации во времени и в пространстве // Время в пространстве Балкан. Свидетельства языка. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН; Международный фонд югославянских исследований и сотрудничества «Славянская летопись», 1994. С. 40-63.
- Седакова 2007 - Седакова И.А. Балканские мотивы в языке и культуре болгар. Родинный текст. М.: Индрик, 2007.
- Седов 1979 - Седов В.В. Происхождение и ранняя история славян. М.: Наука, 1979.
- Седов 1995 - Седов В.В. Славяне в раннем средневековье. М.: Институт археологии РАН, 1995.
- Славянские архаические ареалы 2019 - Славянские архаические ареалы в пространстве Европы. Коллективная монография / Отв. ред. С.М. Толстая. М.: Индрик, 2019.
- Толстая 2015 - Толстая С.М. Образ мира в тексте и ритуале. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2015.
- Толстой 1995 - Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995.
- Толстой 2003 - Толстой Н.И. Очерки славянского язычества. М.: Индрик, 2003.
- Толстой, Толстая 1981 - Толстой Н.И., Толстая С.М. Заметки по славянскому язычеству. 5. Защита от града в Драгачеве и других сербских зонах // Славянский и балканский фольклор. Обряд. Текст. М., 1981. С. 44-120.
- Трубачев 2004 - Трубачев О.Н. Труды по этимологии. Слово. История. Культура. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Трубачев 2004а - Трубачев О.Н. Труды по этимологии. Слово. История. Культура. Т. 2. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Трубачев 2009 - Трубачев О.Н. Труды по этимологии. Слово. История. Культура. Т. 4. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009.
- ЭССЯ 7 - Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачева. Т. 7. М.: Наука, 1980.
- Adamek 1900 - Adamek K.V. Lid na Hlinecku. Praha: Nákladem archeologické kommisie při České akademii císaře Františka Josefa pro vědy, slovesnost a umění, 1900.
- Blažek 2000 - Blažek V. Keltové – Germáni – Slované. Lingvistické svědectví o kontinuitě a diskontinuitě osídlení Střední Evropy // Čeština – univerzália a specifika. Vol. 2. Sborník konference ve Štapanicích u Brna 17-19.11.1999 / Ed. Z. Hladká, P. Karlík. Brno, 2000. S. 9-30.
- Charvat 1898 - Charvat V.J. Z českého jihu // Sbíрка jihočeského podání lidového. Matice lidu. R. XXXII. Č. 3. Praha, 1898.
- EĽKS - Encyklopédia ľudovej kultúry Slovenska. D. 1-2. Bratislava: Veda, 1995.
- Fleischmann 1910 - Fleischmann J. Hejkalové na Tábořsku // Český lid. Vol. XIX. 1910. S. 379-380.

- Jindřich 1956 - Jindřich J. Chodsko. Praha: Československá akademie věd, 1956.
- Jireček 1863 - Jireček J. Studie z oboru mythologie české // Časopis Musea Království Českého. Vol. 37. 1863. Sv. 1. S. 1-28. Sv. 2. S. 141-166. Sv. 3. S. 262-269.
- Košťál 1900 - Košťál J. Lesní panny // Český lid. Vol. IX. 1900. S. 205-207.
- Kott 2021 - Česko-německý slovník Fr. Št. Kotta / Электронный ресурс: <http://kott.ujc.cas.cz/index.php?vstup=Hvozdz&idHeslo=82093&zpusob=heslo&zvyraznit=Hvozdz&hledat=fulltext&popis=&heslo=checked> (дата обращения – 15.02.2021).
- Kuret 1965 - Kuret N. Praznično leto Slovencev. Starosvetne šege in navade od pomladi do zime. 1 del. Celje, 1965.
- Langhammerová 2004 - Langhammerová J. Lidové zvyky. Výroční obyčej z Čech a Moravy. Praha: Lidové noviny, 2004.
- LK 2007 - Lidová kultura. Národopisná encyklopedie Čech, Moravy a Slezska. Svazek 2 i 3: Věcná část. A-N i O-Z / Hl. red. St. Brouček a R. Jeřábek. Praha: Mladá fronta, 2007.
- Mančal 1896 - Mančal J. O divokých ženách. Na Humpolecku sebral Jar. Mančal // Český lid. Vol. V. 1896. S. 233-235.
- Mödendorfer 1948 - Mödendorfer V. Verovanja, uvere in običaji Slovencev (Narodopisno gradivo). Druga knjiga: Prazniki. Celje: Tiskarna Družbe sv. Mohorja, 1948.
- Nahodil, Robek 1959 - Nahodil O., Robek A. České lidové pověry. Praha: Orbis, 1959.
- Ondrejka, Cifra 1998 - Ondrejka K., Cifra Š. Slovník stredoslovenského nárečia z Liptovských Sliačov a okolia s pôvodom a hniezdovaním slov. Bratislava: Print-Servis, 1998.
- Radenkovič 2003 - Radenkovič L. Slva beliefs on changelings // Balcanica. Vol. XXXII-XXXIII. 2003. S. 143-154.
- Schwarz-Lázecký 1931 - Schwarz-Lázecký V. Pověry z Lázu u Strakoníc. (Studentské zápisky z r. 1870) // Český lid. Vol. XXXI. 1931. S. 341-342.
- SSN 2006 - Slovník slovenských nářečí / ved. red. I. Ripka. D. 2. Bratislava: Veda, 2006.
- Zaroff 1998 - Zaroff R. Germanization of the Land Between the Elbe-Saale and Oder Rivers. Colonisation or assimilation? // Proceedings of The University of Queensland History Research Group. 1998. № 9. S. 1-19.
- Zíbrt 1950 - Zíbrt Ch. Veselé chvíle v životě lidu českého. Praha: Vyšehrad, 1950.

REFERENCES

- Adamek 1900 - Adamek K.V. Lid na Hlinecku [People in Hlinec], Praha, Nákladem archeologické kommise při České akademii císaře Františka Josefa pro vědy, slovesnost a umění Publ., 1900 [in Czech].
- Blažek 2000 - Blažek V. Keltové – Germáni – Slované. Lingvistické svědectví o kontinuitě a diskontinuitě osídlení Střední Evropy [Celts – Germans – Slavs. Linguistic evidence of the continuity and discontinuity of Central European settlement], in: Čeština – univerzália a specifika. Vol. 2. Sborník konference ve Šlapanicích u Brna 17-19.11.1999 / Ed. Z. Hladká, P. Karlík [Czech – universals and specifics. Vol. 2. Proceedings of the conference in Šlapanice near Brno 17-19.11.1999 / Ed. Z. Hladka, P. Karlík], Brno, 2000, pp. 9-30 [in Czech].
- Charvat 1898 - Charvat V.J. Z českého jihu [From the Czech south], in: Sbírka jihočeského podání lidového. Matice lidu [Collection of South Bohemian folklore. Nuts of the people], Vol. XXXII, Part 3, Praha, 1898 [in Czech].
- ELKS - Encyklopédia ľudovej kultúry Slovenska. D [Encyclopedia of Slovak folk culture. D], Vol. 1-2, Bratislava, Veda Publ., 1995 [in Slovak].
- ESSYA 7 - Etimologičeskij slovar' slavyanskijhazykov. Praslavyanskij leksičeskij fond / Pod red. O.N. Trubacheva [Etymological dictionary of Slavic languages. Proto-Slavic Lexical Fund / Edited by O.N. Trubachev], Vol. 7, Moscow, Nauka Publ., 1980 [in Russian].
- Fleischmann 1910 - Fleischmann J. Hejkalové na Tábořsku [Hejkalové in the Tábor region], in: Český lid [Czech people], Vol. XIX, 1910, pp. 379-380 [in Czech].
- Gorskij 2001 - Gorskij A.A. Vetvi slavyanskogo dereva. «Slavinii» rannego Srednevekov'ya: kak skladyvalis' gosudarstva u slavyan [Branches of the Slavic tree. "Slavinia" of the early Middle Ages: how the states of the Slavs were formed], in: Rodina [Homeland], 2001, № 9, pp. 22-23 [in Russian].
- Jindřich 1956 - Jindřich J. Chodsko, Praha, Československá akademie věd Publ., 1956 [in Czech].
- Jireček 1863 - Jireček J. Studie z oboru mythologie české [Studies in the field of Czech mythology], in: Časopis Musea Království Českého [Magazine of the Museum of the Kingdom of Bohemia], Vol. 37, 1863, Part 1, pp. 1-28, Part 2, pp. 141-166, Part 3, pp. 262-269 [in Czech].
- Kabakova 1982 - Kabakova G.I. Terminologiya kalendarnoj obryadnosti (Hrononimy) (Na materiale nemeckih i skandinavskihazykov i dialektov). Diplomnaya rabota [Terminology of calendar rituals (Chrononyms) (Based on the material of German and Scandinavian languages and dialects). Thesis], Moscow, MGU Publ., 1982 [in Russian].
- Klanica 1987 - Klanica Z. Padenie Avarskoj derzhavy v Podunav'e [The fall of the Avar state in the Danube], in: Etnosocial'naya i političeskaya struktura rannefodal'nyh slavyanskijh gosudarstv i narodnostej / Otv. red. G.G. Litavrin [Ethno-social and political structure of the early feudal Slavic states and nationalities / Managing editor G.G. Litavrin], Moscow, Nauka Publ., 1987, pp. 74-82 [in Russian].
- Košťál 1900 - Košťál J. Lesní panny [Forest maidens], in: Český lid [Czech people], Vol. IX, 1900, pp. 205-207 [in Czech].
- Kott 2021 - Česko-německý slovník Fr. Št. Kotta [Czech-German dictionary], Electronic resource: <http://kott.ujc.cas.cz/index.php?vstup=Hvozdz&idHeslo=82093&zpusob=heslo&zvyraznit=Hvozdz&hledat=fulltext&popis=&heslo=checked> (Date of access – 15.02.2021) [in Czech].
- Kuret 1965 - Kuret N. Praznično leto Slovencev. Starosvetne šege in navade od pomladi do zime [Holiday summer Slovencev. Old-fashioned chickens and guidance from youth to winter], Part 1, Celje, 1965 [in Czech].
- Langhammerová 2004 - Langhammerová J. Lidové zvyky. Výroční obyčej z Čech a Moravy [Folk customs. Annual customs from Bohemia and Moravia], Praha, Lidové noviny Publ., 2004 [in Czech].

- LK 2007 - Lidová kultura. Národopisná encyklopedie Čech, Moravy a Slezska. Svazek 2 i 3: Věcná část. A-N i O-Z / Hl. red. St. Brouček a R. Jeřábek [Folk culture. Ethnographic encyclopedia of Bohemia, Moravia and Silesia. Volume 2 and 3: Factual part. A-N and O-Z / Hl. red. St. Brouček and R. Jeřábek], Praha, Mladá fronta Publ., 2007 [in Czech].
- Mančal 1896 - Mančal J. O divokých ženách. Na Humpolecku sebral Jar. Mančal [About wild women. Jar picked up in Humpolec. Manchal], in: Český lid [Czech people], Vol. V, 1896, pp. 233-235 [in Czech].
- Mödendorfer 1948 - Mödendorfer V. Verovanja, uvere in običaji Slovencev (Narodopisno gradivo). Druga knjiga: Prazniki [Mödendorfer V. Verovanja, Loans and People of Slovakia (Narodopisno gradivo). Second book: Holidays], Celje, Tiskarna Družbe sv. Mohorja Publ., 1948 [in Czech].
- Mojsej 2006 - Mojsej A. O sootnoshenii terminov solomonar/gradovnik v plyuvial'noj praktike rumynoyazychnogo naseleniya Bukoviny [On the correlation of the terms solomonar/gradovnik in the pluvial practice of the Romanian-speaking population of Bukovina], in: Romanoslavica, Vol. XLI, 2006, pp. 253-262 [in Russian].
- Nahodil, Robek 1959 - Nahodil O., Robek A. České lidové pověry [Czech folk superstitions], Praha, Orbis Publ., 1959 [in Czech].
- Ondrejka, Cifra 1998 - Ondrejka K., Cifra Š. Slovník stredoslovenského nárečia z Liptovských Sliačov a okolia s pôvodom a hniezdovaním slov [Dictionary of the Central Slovak dialect from Liptovský Sliačov and its surroundings with the origin and nesting of words], Bratislava, Print-Servis Publ., 1998 [in Slovak].
- Plotnikova 2004 - Plotnikova A.A. Etnolingvističeskaya geografiya YUzhnoj Slavii [Ethnolinguistic geography of Southern Slavia], Moscow, Indrik Publ., 2004 [in Russian].
- Plotnikova 2021 - Plotnikova A.A. Specifika horvatskoj narodnoj mifologii [Specificity of Croatian folk mythology], in: Slavyanovedenie [Slavic studies], 2021, № 6 (v pečati) [in Russian].
- Plotnikova, Sedakova 2012 - Plotnikova A.A., Sedakova I.A. Sudzhenicy [Sudzhenitsy], in: Slavyanskije drevnosti. Etnolingvističeskij slovar' / Pod obshchej redakciej N.I. Tolstogo [Slavic antiquities. Ethnolinguistic Dictionary / Under the general editorship of N.I. Tolstoy], Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2012, pp. 199-203 [in Russian].
- Radenković 2003 - Radenković L. Slva beliefs on changelings, in: Balcanica, Vol. XXXII-XXXIII, 2003, pp. 143-154 [in English].
- Radenkovich 2004 - Radenkovich L. Nazvaniya demonov, vedushchie proiskhozhdenie ot detej, umershih do kreshcheniya u slavyan [Names of demons, originating from children who died before baptism among the Slavs], in: Balcanica, Vol. XXXIV, Belgrade, 2004, pp. 203-221 [in Russian].
- Radenkovich 2005 - Radenkovich L. Opasnoe vremya v narodnyh predstavleniyah slavyan [Dangerous time in the folk ideas of the Slavs], in: Balcanica, Vol. XXXV, Belgrade, 2005, pp. 71-90 [in Russian].
- Radenkovich 2007 - Radenkovich L. «Berkman» i drugie duhi – vlastiteli zemnyh nedr u slavyan ["Berkman" and other spirits – the rulers of the earth's bowels among the Slavs], in: Vostok i zapad v balkanskoj kartine mira. Pamyati Vladimira Nikolaevicha Toporova [East and West in the Balkan picture of the world. In memory of Vladimir Nikolaevich Toporov], Moscow, Indrik Publ., 2007, pp. 258-265 [in Russian].
- Radenkovich 2008 - Radenkovich L. Velikany, dikie i inye «chuzhie» lyudi [Giants, wild and other "foreign" people], in: Etnolingvistyka, Vol. 20, Lublin, 2008, pp. 95-106 [in Russian].
- Radenkoviĥ 2011 - Radenkoviĥ Љ. Narodna predaĥa o odreĥivaju sodbine: slovenske paralele [Folklore about determining fate: Slavic parallels], in: ZHiva rech. Zbornik u chast prof. dr Nade Milosheviĥ-Ђorĥeviĥ. Urednici M. Deteliĥ, S. Samarĥija [Living word. Proceedings in honor of prof. Dr. Nade Milosevic-Djordjevic. Editors M. Deteliĥ, S. Samardzhia], Belgrade, Balkanološko institut SANU Publ., 2011, pp. 511-534 [in Serbian].
- Schwarz-Lázecký 1931 - Schwarz-Lázecký V. Pověry z Lázu u Strakonice. (Studentské zápisky z r. 1870) [Superstitions from Láz near Strakonice. (Student notes from 1870)], in: Český lid [Czech people], Vol. XXXI, 1931, pp. 341-342 [in Czech].
- Sedakova 1994 - Sedakova I.A. Balkanoslavjanskije predstavleniya o demonah sud'by: transformacii vo vremeni i v prostranstve [Balkan Slavic ideas about the demons of fate: transformations in time and space], in: Vremya v prostranstve Balkan. Svidetel'stva yazyka [Time in the space of the Balkans. Language evidence], Moscow, Institut slavyanovedeniya i balkanistiki RAN Publ.; Mezhdunarodnyj fond yugoslavjanskijh issledovanij i sotrudnichestva «Slavyanskaya letopis'» Publ., 1994, pp. 40-63 [in Russian].
- Sedakova 2007 - Sedakova I.A. Balkanskije motivy v yazyke i kul'ture bolgar. Rodinnyj tekst [Balkan motifs in the language and culture of the Bulgarians. Native text], Moscow, Indrik Publ., 2007 [in Russian].
- Sedov 1979 - Sedov V.V. Proiskhozhdenie i rannaya istoriya slavyan [Origin and early history of the Slavs], Moscow, Nauka Publ., 1979 [in Russian].
- Sedov 1995 - Sedov V.V. Slavyane v rannem srednevekov'e [Slavs in the Early Middle Ages], Moscow, Institut arheologii RAN Publ., 1995 [in Russian].
- Slavyanskije arhaicheskie arealy 2019 - Slavyanskije arhaicheskie arealy v prostranstve Evropy. Kollektivnaya monografiya / Otv. red. S.M. Tolstaya [Slavic archaic areas in Europe. Collective monograph / Managing editor S.M. Tolstaya], Moscow, Indrik Publ., 2019 [in Russian].
- SSN 2006 - Slovník slovenských nářečí / ved. red. I. Ripka. D [Dictionary of Slovak dialects / ved. red. I. Ripka. D], Vol. 2, Bratislava, Veda Publ., 2006 [in Slovak].
- Tolstaya 2015 - Tolstaya S.M. Obraz mira v tekste i rituale [The Image of the World in Text and Ritual], Moscow, Universitet Dmitriya Pozharskogo Publ., 2015 [in Russian].
- Tolstoj 1995 - Tolstoj N.I. Yazyk i narodnaya kul'tura. Ocherki po slavyanskoj mifologii i etnolingvistiky [Language and folk culture. Essays on Slavic mythology and ethnolinguistics], Moscow, Indrik Publ., 1995 [in Russian].
- Tolstoj 2003 - Tolstoj N.I. Ocherki slavyanskogo yazychestva [Essays on Slavic paganism], Moscow, Indrik Publ., 2003 [in Russian].
- Tolstoj, Tolstaya 1981 - Tolstoj N.I., Tolstaya S.M. Zametki po slavyanskomu yazychestvu. 5. Zashchita ot grada v Dragacheve i drugih serbskijh zonah [Notes on Slavic paganism. 5. Protection from hail in Dragachev and other Serbian zones], in: Slavyanskij i balkanskij fol'klor. Obryad. Tekst [Slavic and Balkan folklore. Rite. Text], Moscow, 1981, pp. 44-120 [in Russian].
- Trubachev 2004 - Trubachev O.N. Trudy po etimologii. Slovo. Istoriya. Kul'tura [Works on etymology. Word. Story. Culture], Vol. 1, Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2004 [in Russian].

- Trubachev 2004a** - Trubachev O.N. Trudy po etimologii. Slovo. Istoriya. Kul'tura [Works on etymology. Word. Story. Culture], Vol. 2, Moscow, YAzyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2004 [in Russian].
- Trubachev 2009** - Trubachev O.N. Trudy po etimologii. Slovo. Istoriya. Kul'tura [Works on etymology. Word. Story. Culture]. Vol. 4, Moscow, Rukopisnye pamyatniki Drevnej Rusi Publ., 2009 [in Russian].
- Valencova 2018** - Valencova M.M. Slavyanskaya mifologicheskaya leksika Karpatskogo regiona: genesis osobennostej (etnolingvističeskij aspekt) [Slavic mythological vocabulary of the Carpathian region: the genesis of features (ethnolinguistic aspect)], in: Slavyanskoe yazykoznanie. XVI Mezhdunarodnyj s"ezd slavistov. Belgrad. 20-27 avgusta 2018 g. Doklady rossijskoj delegacii / Otv. red. S.M. Tolstaya [Slavic linguistics. XVI International Congress of Slavists. Belgrade. August 20-27, 2018 Reports of the Russian delegation / Executive Editor S.M. Tolstaya], Moscow, Institut slavyanovedeniya RAN Publ., 2018, pp. 417-435, DOI: 10.31168/0417-6.4.1 [in Russian].
- Valencova 2021** - Valencova M.M. Arhaicheskie elementy v cheshskoj duhovnoj kul'ture (vozmozhnosti areal'noj stratifikacii) [Archaic elements in Czech Spiritual culture (possibilities of real stratification)], in: Slavyanskije arhaicheskie arealy v prostranstve Evropy [Slavic archaic areas in the space of Europe], Vol. 2, Moscow, Institut slavyanovedeniya RAN Publ., 2021 (v pečati) [in Russian].
- Vinogradova 2016** - Vinogradova L.N. Mifologičeskij aspekt slavyanskoj fol'klornoj tradicii [The mythological aspect of the Slavic folklore tradition], Moscow, Indrik Publ., 2016 [in Russian].
- Vojtovich 2010** - Vojtovich L.V. Vostočnoe Prikarpat'e vo vtoroj polovine I tys. n.e. Nachal'nye etapy formirovaniya gosudarstvennosti [Eastern Carpathian region in the second half of the I millennium A.D. The initial stages of the formation of statehood], in: Rusin, 2010, № 3, pp. 5-49 [in Russian].
- Zaroff 1998** - Zaroff R. Germanization of the Land Between the Elbe-Saale and Oder Rivers. Colonisation or assimilation?, in: Proceedings of The University of Queensland History Research Group, 1998, № 9, pp. 1-19 [in English].
- ZHemlichka 1987** - ZHemlichka J. Charakter slavyanskogo zaseleniya i vozniknovenie rannefeodal'noj narodnosti (na primere Čekhii i Moravii) [The nature of Slavic settlement and the emergence of early feudal nationality (on the example of the Czech Republic and Moravia)], in: Etnosocial'naya i političeskaya struktura rannefeodal'nyh slavyanskih gosudarstv i narodnostej / Otv. red. G.G. Litavrin [Ethnosocial and political structure of Early feudal Slavic States and nationalities / Executive Editor G.G. Litavrin], Moscow, Nauka Publ., 1987, pp. 134-141 [in Russian].
- ZHih 2009** - ZHih M.I. K probleme rannej istorii slavyan prikarpat'skogo regiona (seredina – vtoraya polovina I tys. n.e.) [To the problem of the early history of the Slavs of the Carpathian region (middle – second half of the 1st millennium AD)], in: Rusin, 2009, № 1 (15), pp. 25-44 [in Russian].
- ZHih 2019** - ZHih M.I. Slavyanskij pravitel' Samo i ego «derzhava» (623-658). Istočniki, lokalizacija, social'no-političeskaya organizacija, istoričeskoe značenie [Slavic Ruler Samo and his “State” (623-658). Sources, localization, socio-political organization, historical significance], Saint Petersburg, Rossijsko-nemeckij istoričeskij seminar Publ., 2019 [in Russian].
- ZHih 2020** - ZHih M.I. Migracija serbov i horvatov na Balkany v kontekste mezhdunarodnyh otnošenij 20-30-h godov VII veka [Migration of Serbs and Croats to the Balkans in the context of international relations in the 20-30s of the 7th century], in: Ot Zalmoksis do Ketzalcoatl. Izsledvaniya v chest na 65-godišninata na doc. r-r Stefan Jordanov [From Zalmoxis to Quetzalcoatl. Research in honor of the 65th anniversary of Associate Professor Stefan Jordanov], Veliko Tarnovo, 2020, pp. 493-512 [in Russian].
- Zíbrt 1950** - Zíbrt Ch. Veselé chvíle v životě lidu českého [Happy moments in the life of the Czech people], Praha, Vyšehrad Publ., 1950 [in Czech].
- Zubov 2010** - Zubov M.I. Kil'ka etimologičnih zauvažhen' do nazv slov'yans'kih mifologičnih personazhiv [A few etymological remarks on the names of Slavic mythological characters], in: Movoznavstvo [Linguistics], 2010, № 2-3, pp. 113-123 [in Ukrainian].

Валенцова Марина Михайловна

– кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН (Москва, Россия).

Marina Valentsova

– Candidate of Philology, Senior Researcher, Department of Ethnolinguistics and Folklore, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

mvalent@mail.ru